

1304 кн 48 - 1999 - 15 мая - 95

Юрий МАМЛЕЕВ:

ЗАЧЕМ ГОВОРИТЬ О ДОСТОЕВСКОМ В НЕРАБОЧЕЕ ВРЕМЯ

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

— Юрий Витальевич, чем вы сейчас занимаетесь? Над чем работаете?

— Только что у меня вышла книга «Черное зеркало». В ней собраны мои рассказы преимущественно 90-х годов. Стал заниматься драматургией, написал три пьесы, заканчиваю четвертую. Две пьесы шли в Саратове, в Томске, в Австрии, сейчас в московском Театре на Перовской идет «Свадьба с незнакомцем». Подготавливаю также поэтический сборник. И еще преподаю индийскую философию в МГУ. Вот такие мои дела.

— Как вы оцениваете нынешнюю молодежь?

— Знаете, современная молодежь очень неоднородна. Она разная и разделена на несколько таких параллельных миров, которые друг от друга весьма отличны. Но как нечто общее, характерное для многих, я бы отметил возвращение интереса к образованию, к знаниям. Например, прекрасно, что молодежь опять стала возвращаться в университет. И это несмотря на бедственное материальное положение нынешнего студенчества. Сильный приток молодежи и у нас на философском факультете. Я просто поражаюсь, когда ко мне на спецкурс приходят люди, уже имеющие высшее образование. Но они хотят еще и получить философскую подготовку! Причем часто это даже не связано с их профессиональной деятельностью, с интересами карьеры и тому подобным, а просто это их личный интерес — что называется, для души. Словом, традиционная российская тяга к знаниям, несмотря ни на что, опять возвращается.

— А вас не пугает, что молодые специалисты, едва окончив вуз, стремятся уехать на Запад? Причем не всегда даже работают там по специальности: им все равно чем там заниматься, но лишь бы там.

— Это пройдет. Неизбежно пройдет. Дело в том, что наши «западники», когда они приезжают туда, — очень скоро обнаруживают, что на самом-то деле они никакие не «западники». Они пытаются стать западными людьми, но тут же вылезает их «русскость» и их невозможность полной адаптации к западному обществу. Я не говорю об исключениях. Они всегда были и будут. Но в общем разница русского и западного человека обнаруживается сразу и отчетливо. И она непреодолима. Поэтому большинство уехавших неизбежно вернутся, как только в России будут по-настоящему востребованы специалисты.

— Что же русскому человеку трудно принять в той же Америке, например?

— Мне кажется, русскому человеку очень трудно смириться с тенденцией американского денежно-технологического общества к стандартизации и нивелировке человека. К выдвигению на первый план стремления к успеху. Любыми средствами — к успеху. Причем успех этот исключительно материальный. Вся жизнь людей, все их помыслы направлены именно на это. Нам очень долго и настойчиво внушали,

что американская свобода — это как раз та модель, которой должны следовать все прочие народы. Но их знаменитая свобода прежде всего направлена на добывание денег. А свободен ли при этом дух человеческий?!

— Разве в Америке нет духовной элиты?

— Вот вам типичный для Америки случай. Наши эмигранты однажды вдруг обнаружили, что американский профессор университета, крупный специалист по французской литературе XVIII века, не читал никогда ни Фолкнера, ни Шекспира. И этот американец ничуть не смутился и сказал: а зачем мне нужны Шекспир и Фолкнер, когда я делаю деньги на французской литературе XVIII века? Подобный случай, кстати, описал Набоков. Он встретился как-то с одним знаменитым американским профессором, и они разговаривали о литературе. И когда Набоков в разговоре упомянул Достоевского, американец посмотрел на часы и сказал: а зачем теперь говорить о Достоевском, когда наше рабочее время кончилось? Вот это вполне по-американски. Там культура, в отличие от Европы и России, не является жизнью, она просто одно из средств для добывания денег.

Недавно я был в Петербурге, выступал на философском конгрессе. И рассказал, в частности, о впечатлениях русских детей, которые побывали в Америке. Они были поражены пустотой американской жизни. Необыкновенной ограниченностью. Даже дети заметили это!

— Европейцы другие?

— Европа, конечно, под сильным американским прессом, но я бы сказал, что она все-таки сопротивляется, она еще что-то хранит — свое исконное, традиционное. Я сделал такое необычное и довольно любопытное наблюдение: наиболее близкий к России из западноевропейских народов — по внутреннему складу, по духу, по характеру — как ни странно, наиболее географически отдаленный от нас народ — португальцы. Есть в них какие-то почти неуловимые психологические черты, которые родственны, близки нашему народу, — душевность, что ли.

— Давайте вернемся в Россию. Что бы вы сказали о нынешнем состоянии русского общества?

— Я думаю, что 1999 — 2000 годы станут решающими для нашего государства, они определят судьбу России на многие десятилетия и, вполне возможно, на столетие вперед. Речь даже не о том, какой строй будет в России, по какой модели она будет развиваться. Главное — будет ли Россия независимой страной или же превратится в некое подконтрольное Западу пространство. Вот принципиальный вопрос. Те на Западе, кто думает, что Россия повержена и ее нужно поскорее прибрать к рукам (а таких немало), не понимают простой вещи — делать это необычайно опасно прежде всего для них самих. Потому что с нашей стороны неизбежно последует контрреакция, и она может быть очень сильной.

— Если припомнить гумилевскую пассионарность, то, на ваш взгляд, проявится ли эта пассионарность у нас, уже в наше время?

— Я думаю, для этого у России есть все возможности, даже несмотря на теперешнее ее жуткое состояние. И это подтверждается прежде всего тем, что не погибла русская культура, не погибла российская духовность. В этом России не нужна особая пассионарность, потому что наша самобытность налицо и сейчас. Это выражается во многом и, в частности, в православии — испытанном и надежном стержне русской высокой духовности, который в последнее время не только не поколебался, а, напротив, окреп. И все попытки последних лет разрушить как православие, так и русскую культуру, окончились неудачей. Ведь внедрялась же, например, недавно еще идея, что литература будто бы должна быть только развлечением. Это в России-то, где литература испокон веков была частью внутренней жизни человека, где слово писателя значило больше слова государственно-го функционера!

— В таком случае, кто же из нынешних наших писателей, по вашему мнению, способен «повести за собой словом»?

— Пока, к сожалению, никто. Причина этому — разброд в самом народе. Нет объединяющей идеи. И соответственно нет ее достойного выразителя.

— Ваши книги нельзя отнести к массовому чтению. Они для избранных и в этом смысле элитарны. Вас это не удручает?

— Это далеко не так. В 90-х годах мои книги разошлись тиражом около 250 тысяч экземпляров, их нигде не найти (кроме только что вышедшего «Черного зеркала»). И все это в условиях нашего лихолетья, снижения тиражей. Кроме того, среди моего царства читателей много продвинутой, образованной молодежи. И вообще наши «массы» вовсе не так глупы, как их часто изображают. Глупы почти всегда так называемые книги для масс. Но они быстро забываются.

— Как вы относитесь к нашим политикам?

— Высоко оцениваю Примакова. Это чудо, что он занимал пост премьер-министра в такое сложное для страны время. Относительно прочих — особенно тех, кто предшествовал Примакову: надеюсь, они могут возникнуть еще раз только в страшном сне.

— Что для вас является главными человеческими ценностями?

— Вера в бессмертие человеческой души и вера в Бога; любовь и сострадание ко всему живому; парадоксальность мышления.

— Если бы вас попросили в одном предложении дать совет молодому человеку — что бы вы ему сказали?

— Любить Россию!

Встречался
Юрий РЯБИНИН

Юрий Мамлеев, писатель и философ, книги которого переведены сегодня практически на все европейские языки, когда-то не мог в своей стране опубликовать ни строчки. В начале 70-х он вынужден был эмигрировать, прожил за рубежом без малого двадцать лет.

45